

Наследие Костяного Древа

Ольга Острова

Ольга Острова

Наследие Костяного Древа

«Автор»

2025

Острова О.

Наследие Костяного Древа / О. Острова — «Автор», 2025

Она – ведьма, чья судьба окутана тайной. Он – демон, чье происхождение куда более зловещее, чем можно представить. Их договор – это лишь начало. И когда их миры сталкиваются, между ними вспыхивает нечто большее, чем просто соглашение. Опасная искра, способная как спасти, так и уничтожить.

© Острова О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наследие Костяного Древа

Глава 1

В нашем роду существует неписанный закон — вести дневник.

Не просто записывать события, а обнажать душу, не скрывая ни тени, ни изъяна. Это зеркало, в котором отражается всё: и светлые порывы, и постыдные слабости. Я не могу отступить от этой традиции. Она передаётся из поколения в поколение, чтобы следующие ведьмы не повторяли наших ошибок.

Так начинается моя история. История юной ведьмы, получившей силу высшего ранга.

Меня зовут Ледникова Екатерина Викторовна. Мой отец — Ледников Виктор Николаевич, инженер-строитель с гением в крови. Мать — Ледникова Марина Владимировна, урождённая Прохорова, женщина с дипломом в сфере гостеприимства и хваткой бультерьера.

Я родилась под счастливой звездой, точнее, под созвездием родительского успеха.

После лихих девяностых мои предки не сдались после неудач. Они собрали оставшиеся силы и построили настоящую бизнес-империю. Благодаря силе духа и негнбавомй воле дела пошли в гору.

Отец строил гостиницы.

Высокие, красивые, устремлённые к облакам. Они появлялись в разных городах, как жемчужины, разбросанные по карте страны.

Мама умело всем руководила.

Следила, чтобы всё работало чётко, без ошибок.

Наши отели росли, как грибы после дождя, от роскошных пятизвёздочных дворцов до уютных мест, где могли отдохнуть уставшие путешественники.

Детство у меня было как в сказке или, скорее, как в хорошо поставленном спектакле.

Я посещала лучшие школы мира, ездила с родителями в экзотические страны. У меня было всё, от дорогих игрушек до персонального водителя.

Предки гордились мной.

Они с гордостью показывали мои грамоты гостям, хвастались успехами в школе и достижениями в кружках.

Но вот чего мне не хватало, так это простых семейных моментов. Душевных разговоров, тёплых объятий, обычного домашнего уюта.

Я росла в достатке, но без той самой близости, которая так нужна детям.

И всё же я не жаловалась.

У меня было много друзей, интересных увлечений и ярких впечатлений. Я с удовольствием занималась музыкой, рисованием, изучала языки. Жадно впитывала всё новое. В глубине души мне хотелось понять.

Кто я на самом деле?

Какая я за пределами этого блестящего, сверкающего мира?

Когда пришло время выбирать путь, я без колебаний пошла по стопам матери.

Поступила в престижный университет на факультет гостиничного менеджмента. Я не хотела просто пользоваться плодами чужого труда. Я мечтала внести свой вклад, преобразить наши отели, вдохнуть в них атмосферу настоящего уюта, где каждый гость почувствует себя как дома.

Постепенно пришло осознание. Богатство — это не только привилегии, но и огромная ответственность.

За каждого сотрудника наших отелей, за доверие гостей, за безупречную репутацию, которую родители создавали годами.

Учёба давалась легко, но настоящим испытанием стала практика. Я выбрала не самый престижный из наших отелей, но зато подальше от столицы и всевидящего родительского ока. Скрыв свой статус, работала наравне со всеми. Убирала номера, обслуживала гостей, решала бесконечные мелкие проблемы. Я хотела изучить бизнес изнутри, понять его суть, уловить те незаметные нюансы, которые делают сервис по-настоящему безупречным.

Время летело быстро.

Я училась, росла, осваивала азы семейного дела.

Планы были расписаны на годы вперёд, и я уверенно шла к цели...

Пока однажды на мой электронный адрес не пришло странное письмо.

От бабушки.

Той самой бабушки по материнской линии, о существовании которой я даже не подозревала.

Сердце дрогнуло, предчувствуя что-то неизведанное.

Собравшись с духом, я открыла скайп и набрала номер матери.

— Мам, у меня что, есть бабушка? И она живёт на Алтае? — выпалила я, не давая себе времени на раздумья.

Лицо матери вмиг посерело, словно пеплом покрылось. Руки задрожали, побелели костяшки. Она судорожно сжала их в кулаки.

— Откуда ты узнала? — голос прозвучал глухо, обречённо.

— Это не имеет значения. Просто ответь на вопрос.

Мать молчала долго.

Взгляд её ушёл куда-то сквозь экран. Не на меня, а на призраки минувших дней. В глазах плескались боль и страх. Столько, что по спине пробежал холодок. Никогда я не видела её такой. Растерянной, уязвимой. Та самая каменная стена, за которой я пряталась от невзгод, исчезла, её больше не было.

— Да, у тебя есть бабушка, — наконец прошептала она, выдавливая из себя каждое слово. — И она живёт на Алтае. Но забудь о ней. Забудь, что я тебе это сказала.

— Почему? Что случилось? — тревога нарастала, оплетая меня, как липкая паутина. — Почему ты никогда не рассказывала мне о ней?

— Это долгая и очень страшная история, — мать отвела взгляд, будто пряталась от собственных воспоминаний. — История, которую я не хочу ворошить. Некоторые вещи лучше не знать, иначе они могут отравить жизнь. Поверь мне, это ради твоего же блага.

Но как я могла поверить?

Как могла забыть о родном человеке, который сам дал о себе знать?

Любопытство жгло меня изнутри, словно раскалённое клеймо. Я должна была разобраться в этой тайне, чего бы это ни стоило.

Алтай... Бабушка... Что там скрыто? Что за тень омрачила лицо моей матери? Раньше она была невозмутимой, как скала, ничто не могло её поколебать. А теперь я увидела напуганного ребенка.

— Хорошо, мам, — буркнула я, скрывая нетерпение, и отключилась.

Забыть? Никогда.

Через день я оформила отпуск.

А через два уже мчалась на крыльях самолёта к земле, взрастившей мою мать.

Волнение нарастало.

Кто она, моя бабушка?

Лучающаяся добром старушка или строгая хранительница древних традиций?

Самолёт мягко коснулся полосы, и меня пронзило странное чувство. Будто я не в аэропорт приземлилась, а шагнула в иное измерение. Воздух здесь был густым, живым, настоян-

ным на ароматах цветущих садов и свежескошенной травы. Он дышал, в отличие от зловонной духоты мегаполисов.

Выбравшись из аэровокзала, я юркнула в такси, назвала водителю адрес деревни и откинулась на сиденье.

Машина плавно тронулась, унося меня навстречу алтайской мечте.

Сколько часов я провела, зачарованная фотографиями этого края! Величественные горы, зеркальная гладь озёр... Теперь я видела всё своими глазами. Распахнув окно, жадно вдыхала пьянящий воздух свободы с нотками трав и хвои.

Дорога вилась змейёй, уводя прочь от цивилизации. Серые городские пейзажи сменились бескрайними полями, затем густыми лесами. Солнце, пробиваясь сквозь листву, рисовало на земле танцующие узоры. Я наблюдала за сменой декораций, и внутри зарождалось сладостное предчувствие. Будто вотвот случится что-то невероятное.

Постепенно пейзаж становился всё величественнее. Вдали показались горные вершины, увенчанные снежными шапками. Они стояли, как древние стражи, оберегая покой этих земель. Реки с шумом прокладывали путь среди камней, а воздух делался всё чище и прохладнее.

Вскоре мы въехали в деревню.

Несколько десятков домов, разбросанных по склону холма, казались частью самой природы. Время здесь замедлило ход. Покосившиеся избы с резными наличниками, коровы на лугу, куры, деловито копающиеся в земле...

Выйдя из такси, я замерла.

Неужели я здесь?

Не сон ли это?

Вдохнула полной грудью и ощутила аромат диких цветов и нагретой солнцем древесины. Запах подлинного Алтая.

Свободы и умиротворения.

Навстречу вышла женщина с добрым, лучистым взглядом, сама жизнь в нём искрилась.

— Катенька? Приехала! — радушно произнесла она.

— Да, это я. А...

— Меня зовут Вера, — мягко улыбнулась хозяйка и распахнула дверь в уютный дом.

Так началось моё алтайское приключение.

Внутри царил деревенское очарование, домотканые половички, резные рамы на окнах, букеты полевых цветов в глиняных вазах. Всё дышало теплом и покоем.

После чаепития с ароматными травами Вера предложила прогуляться.

Мы вышли на тропинку, петляющую среди изумрудных лугов, усыпанных огоньками цветов. Вдали высились заснеженные вершины, суровые великаны, охраняющие этот край.

— Вера, когда я увижу бабушку? — не выдержала я, сгорая от нетерпения.

— Сегодня уже никак, милая. Егор Петрович, наш староста, вернётся поздно. Завтра утром он проводит тебя до границы владений Алефтины. А дальше сама пойдешь.

— До границы? — удивилась я.

— Да. Нам нельзя её пересекать, — ответила Вера.

Моё изумление только выросло.

Границы владений?

Да уж, бабуля даёт жару!

Вера заметила мой растерянный взгляд и улыбнулась, потрепав по плечу:

— Не удивляйся, Катюша. У каждой знахарки свои территории. Алефтина — женщина сильная и своенравная, с ней лучше не ссориться.

Знахарка с собственными владениями? Звучит как начало сказки! Но как добраться до её дома? Лес вокруг казался бесконечным, полным тайн.

— А если я заблужусь? — тревога сдавила грудь.

Вера достала из кармана искусно выполненный амулет:

— Возьми. Алефтина оставила его для тебя. Он станет оберегом. Не бойся, лес не причинит зла, если будешь чтить его законы. Иди с открытым сердцем и доберёшься до бабушки. Она ждёт тебя.

Сердце забилося быстрее. Страх смешался с волнением и любопытством. Но ждать придётся до утра.

Укладываясь спать, я перебирала события дня.

Почему мама назвала это страшной историей?

Кто моя бабуля на самом деле?

Мысли роились, не давая уснуть. И лишь перед рассветом я провалилась в беспокойный сон.

Первые лучи солнца робко коснулись лица, но разбудил меня не их ласковый свет, а пронзительный, раздражающий тишину визг петуха.

Удивительно, но после всего нескольких часов сна я ощущала небывалую бодрость, словно внутри меня открылся неведомый источник сил.

Я вскочила с кровати, умылась прохладной водой и надела удобную одежду для лесной прогулки.

Сегодня долгожданная встреча с бабушкой!

Сердце радостно трепетало, предвкушая тепло её объятий.

Вчерашние тревоги отступили, уступив место радостному ожиданию. Сколько раз я завидовала друзьям, у которых были бабушки с дедушками, хранителями мудрости и безграничной любви...

Войдя в столовую, я приветливо улыбнулась немногочисленным обитателям дома:

— Доброе утро!

За столом, во главе его, восседал мужчина.

Он словно сошел с экрана.

Староста из старинного фильма.

Кряжистый, с окладистой бородой, он излучал незыблемую силу. Его волевое, обветренное лицо дышало уверенностью, а взгляд, встретившийся с моим, казался всевидящим.

Заметив меня, он поднялся — и я поразились его росту, моя макушка едва доставала до его плеча.

— Так, значит, ты и есть внучка Алефтины? — прогремел его голос, похожий на раскат весеннего грома.

Я кивнула, невольно робея перед этой могучей фигурой. Его взгляд изучал меня так пристально, будто пытался прочесть душу, проникнуть в самые потаённые её уголки. И всё же в глубине этих серьёзных глаз мелькнула искорка едва заметного тепла.

— Рад приветствовать тебя в нашем доме, Катюша, — произнёс он, протягивая огромную ладонь. — Я — Егор Петрович, давний друг твоей бабушки.

Рука у него была шершавой и крепкой, как кора старого дуба. Когда он пожал мою ладонь, я почувствовала себя крошечной щепкой в его могучих руках, и по коже пробежал слабый электрический разряд.

Егор Петрович указал на накрытый стол, ломившийся от деревенских угощений. Свежий пахучий хлеб, мёд в сотах, домашний сыр, ароматное варенье из лесных ягод.

— Садись, позавтракаем как следует и будем выдвигаться. Путь предстоит неблизкий.

Я ела с аппетитом, с удовольствием пробуя деревенские лакомства.

Хозяева с улыбкой наблюдали за мной, по очереди задавая вопросы о семье. При этом они загадочно переглядывались, и у меня в голове промелькнула мысль: «Здесь явно что-то нечисто».

— В чём дело? — прямо спросила я. — Вам что-то известно о моих родителях?

В ответ лишь уклончивые фразы и туманные намёки. Было очевидно: они что-то скрывают. Но я не стала настаивать, почти уверенная, что скоро всё узнаю сама.

Поблагодарив Веру за радушный приём, я поспешила вслед за Егором Петровичем.

Он уже миновал калитку и уверенно шагал по просёлочной дороге, ведущей к лесу.

«Слава богу, не взяла лишних вещей», — с облегчением подумала я, ощущая лёгкость небольшой сумки за плечом.

Быстро нагнав провожатого, пристроилась рядом.

Мой спутник оказался немногословен, и большую часть пути нас окутывала тишина, лишь шорох листвы под ногами да многоголосые звуки просыпающегося леса сопровождали нас в пути.

Спустя четыре часа Егор Петрович внезапно остановился.

— Здесь мы прощаемся, — произнёс он, глядя прямо перед собой. — Дальше пойдёшь одна.

Я вскинула брови, недоумевая.

Как же я, совершенно незнакомая с этими краями, смогу продолжить путь?

Словно прочитав мои мысли, он указал на едва приметную тропку, нырявшую в изумрудную чашу.

— Иди этой тропой, она приведёт к ручью. Перейдёшь его вброд, а дальше уже владения Алефтины. Уверен, она тебя встретит.

Он говорил с такой уверенностью, будто это было для меня чем-то само собой разумеющимся.

Преодолевая беспокойство, я поблагодарила Егора Петровича и, собрав волю в кулак, ступила на узкую тропу.

Лес встретил меня звенящей тишиной.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, рисовали на земле танцующие узоры.

Я шла, стараясь не потерять тропинку, и с каждым шагом тревога сдавливала сердце.

Казалось, сам лес наблюдает за мной, оценивает, испытывает.

Наконец впереди блеснула вода. Ручей оказался нешироким, но течение было быстрым.

Закатав штаны, я вошла в обжигающе холодную воду.

Оказавшись на другом берегу, я замерла в растерянности.

Куда дальше?

Вопрос гулко отдавался в голове, пока я, обессилив, опускалась на замшелый валун.

Просидела так минут пятнадцать.

Вдруг изза деревьев вышел огромный волк.

Сердце рухнуло в ледяную бездну.

Инстинктивно я приготовилась броситься обратно в реку.

Но волк в этот момент тихонько заскулил, будто окликнул меня.

Присев на задние лапы, он протянул переднюю вперед, и весь его вид излучал кротость.

Я стояла, парализованная ужасом.

В голове, как тараканы, метались мысли.

Увиденное никак не складывалось в картину безопасности.

— Тебя прислала бабушка? — вырвалось у меня.

В тот же миг я почувствовала себя полной идиоткой.

Волк склонил голову набок и... кивнул.

Я в шоке вглядывалась в морду зверя.

В его янтарных глазах плескалось что-то странное, какое-то необъяснимое понимание.

Или мне просто отчаянно хотелось в это верить?

Тихо заскулив, он повёл головой вправо, в тёмную глубь леса. Не дожидаясь ответа, медленно поднялся и, бросив на меня взгляд, полный невысказанного зова, двинулся прочь.

Что заставило меня последовать за ним?

Отчаяние?

Любопытство?

Или то необъяснимое чувство, которое коснулось сердца, когда я впервые увидела его глаза?

Мы шли долго.

Волк уверенно прокладывал путь сквозь чащу, обходил колючие кустарники, перепрыгивал через поваленные стволы. Я старалась не отставать, цепляясь за ветки и спотыкаясь о корни.

Лес словно испытывал мою волю.

Наконец сквозь завесу деревьев пробился робкий свет. Волк остановился и, повернувшись ко мне, тихонько заворчал, будто подбадривал двигаться вперед быстрее.

Я сделала последний шаг и замерла, ошеломлённая.

Передо мной раскинулась залитая солнцем поляна.

А в её центре возвышался... не ветхая избушка, как я ожидала, а вполне современный двухэтажный коттедж.

Неужели я добралась?

Неужели это и есть мой пункт назначения?

Дорогие читатели!

Если вам понравилась глава, не забывайте оценивать!

Буду очень признательна, если вы поставите «звездочки» и оставите комментарии.

Вам это ничего не будет стоить, а мне приятно!!!

Ваша поддержка поможет мне сохранить высокий рейтинг книги.

Благодарю вас!

Глава 2

Я замерла, не в силах отвести взгляд от дома.

Он манил меня тихой, ускользающей красотой, словно секрет, спрятанный посреди леса. В нём чувствовались уют и надёжность, обещание укрытия от любых невзгод. Мягкий кокон безопасности окутал меня, и, повинуясь внезапному порыву, я поднялась на крыльцо и постучала в дверь.

— Бабушка, ты дома? — позвала я.

В ответ лишь звенящая тишина.

Уже собираясь постучать снова, я заметила, как дверь бесшумно приотворилась, открывая сумрачный холл.

Переступив порог, я огляделась.

Дом выглядел новым, современные обои на стенах, паркет, поблескивающий в полумраке.

Сняв сумку с плеча, я поставила её на пол. Глухой звук падения эхом отозвался в тишине.

Направившись в гостиную, залитую мягким рассеянным светом, я невольно залюбовалась её элегантностью. Каждая деталь, каждый предмет мебели дышали безупречным вкусом, таким знакомым.

«Неужели мама тайно навещала бабушку?» — мелькнула мысль.

Снова позвав бабушку, я услышала лишь усилившуюся тишину, давящую пустотой.

Может, она просто отлучилась?

Мой взгляд упал на окно.

Во дворе, как тень, всё так же маячил волк. Неподвижный, настороженный, без малейшего намерения уйти. Пожав плечами, я продолжила осмотр дома. Ноги сами привели меня на кухню.

Любопытство потянуло к плите.

В кастрюле стывала отварная картошка, сваренная совсем недавно.

На столе, под кружевной салфеткой, лежал свежий хлеб.

Значит, бабушка была здесь еще полчаса назад?

«Что ж, подождём», — решила я, чувствуя, как в животе урчит от голода.

Заглянув в холодильник, соорудила себе простой, но аппетитный перекус. Покончив с едой, устроилась в кресле-качалке у окна, пытаясь унять нарастающее беспокойство. Волк всё ещё стоял во дворе, мрачный страж, неотрывно следящий за домом.

Внезапно в тишине что-то глухо ухнуло.

Я вздрогнула и замерла, прислушавшись.

Тишина.

И снова, отчётливее, ближе.

Звук шёл сверху.

Сердце бешено заколотилось.

Преодолевая страх, поднялась, направилась к лестнице, стараясь ступать бесшумно, но всё равно каждый шаг отдавался гулким эхом в пустом доме, нарушая мёртвую тишину.

На втором этаже царил густой полумрак.

Звук повторился, теперь совсем рядом, из-за одной из дверей.

Сглотнув ком в горле, я медленно потянула ручку.

Комната тонула в глубокой тени, лишь узкая полоска света пробивалась сквозь неплотно задернутые шторы. У дальней стены стоял старинный комод, а на нём большая массивная шкапулка, окованная тёмным металлом.

Именно оттуда доносился глухой стук.

Будто кто-то отчаянно пытался выбраться наружу.

Дрожащими руками я потянулась к ней.

Что там?

Внутри что-то скреблось, билось о стенки, издавая сдавленные, жуткие звуки.

Затаив дыхание, я словно под гипнозом открыла крышку.

Внутри, на смятой бархатной подкладке, лежала старая потрепанная кукла. Фарфоровое личико с выцветшими щеками, на одной тонкая трещина, похожая на застарелый шрам. Пустые глазницы бессмысленно взирали в потолок. И именно она издавала эти странные, пугающие звуки.

Но как?

Я подняла куклу. Она оказалась на удивление тяжёлой, словно в её фарфоровом теле скрывалась какая-то неведомая тяжесть.

И вдруг...

Кукла вздрогнула в моих руках.

Её голова медленно повернулась, и пустые глазницы уставились прямо на меня.

Я отшатнулась, выронила куклу, и раздался хрустальный звон.

Фарфор треснул, ударившись об пол.

Сквозь трещину в фарфоре я увидела что-то тёмное, злое, живое. Маленькие красные глазки, как у крысы, уставились на меня с неприкрытой ненавистью. Тонкие костлявые пальцы принялись выцарапывать себе путь наружу, разрывая остатки оболочки с отвратительным хрустом.

Я закричала и отпрянула к двери, захлёбываясь ужасом.

Из разбитой куклы выползло нечто чудовищное, злобное, маленькое, жуткое, словно порождение ночного кошмара. Оно распрямилось, медленно повернулось ко мне и обнажило острые зубы в хищной ухмылке.

Во дворе завыл волк, протяжно, тоскливо, с тревогой, будто почувствовал, что древнее зло вырвалось на свободу.

Его вой разнёсся по тайге, эхом отдаваясь в лесу.

Паника сковала меня, пригвоздила к полу. Ноги словно вросли в доски, не давая сбежать. Потустороннее существо — то, что использовало куклу как вместилище, — сделало шаг вперёд.

Каждый его шорох, каждый скрип разламывающегося фарфора отдавался в голове, усиливая ужас до предела.

Оно двигалось неуклюже, будто только училось ходить, но в каждом движении читалась злобная целеустремлённость.

Надежда на спасение таяла с каждым мгновением.

Я попыталась закричать снова, но горло пересохло.

Вместо крика вырвался лишь хриплый стон отчаяния.

В глазах потемнело.

В голове пронеслось: «Это конец. Тьма поглотит меня навсегда».

И вдруг, сквозь пелену ужаса я услышала стремительно приближающиеся шаги. Они звучали так, будто явились из ниоткуда.

В дверном проёме возникла фигура статной женщины.

Она вскинула руку и начала произносить слова.

Не речь, а древнее заклинание.

Реальность дрогнула, отступила, обнажая скрытые пласты бытия.

Прямо на моих глазах осколки фарфора начали собираться воедино. Осколок за осколком. Кукла восстановилась, целая и невредимая, и плавно опустилась в шкатулку. Крышка захлопнулась с тихим, злобным щелчком.

— Ну, здравствуй, внученька, — произнесла женщина, поворачиваясь ко мне.

Я всё ещё дрожала, но теперь к страху добавилось удивление.

Неужели это и есть моя бабушка?

Она не была похожа на старуху, скорее зрелая женщина, исполненная силы и мудрости. Время, казалось, было не властно над ней.

— Бабушка?! — выдохнула я дрожащим шёпотом, не веря своим глазам.

Она стояла с гордо вскинутой головой, а в глубине глаз мерцал отблеск внутренней силы.

— Да, я твоя бабушка, — улыбнулась она мягко. — Вижу, ты уже познакомилась с моим маленьким секретом. Надеюсь, старая кукла не слишком тебя напугала?

Я попыталась сделать шаг, но ноги подкосились. Бабушка мгновенно оказалась рядом, проворно, легко, будто и не было за плечами прожитых лет. Она поддержала меня и усадила на ближайший стул. Её руки, сильные и тёплые, излучали успокаивающее тепло.

— Всё хорошо, солнышко, всё уже позади, — мягко проговорила она, опускаясь рядом. — Эта кукла... не просто старая игрушка. Она — своего рода хранилище. Иногда ведёт себя... несколько эксцентрично.

Я смотрела на бабушку, пытаюсь разгадать тайну, что таилась в её облике.

Она совсем не походила на ту бабушку, какой я её представляла.

Передо мной была женщина, сотканная из загадок, облачённая в броню невидимой силы.

— Но как... Что это было? — наконец выдавила я, с трудом разлепляя пересохшие губы.

Бабушка вздохнула, глубоко, протяжно, и в этом вздохе явственно прозвучало эхо страшной тайны.

— Ох, внученька, это долгая история, — мягко произнесла она. — История о нашей семье, о древних знаниях, что спят под спудом веков... И о том, что не всегда стоит совать нос в пыльные сундуки прошлого. Но об этом потом. Сейчас главное, что ты цела и невредима. Пойдём, заварю тебе чаю с мёдом. Он успокоит нервы. А после, если ты будешь готова, я начну свой рассказ. Погружу тебя в историю нашего рода и наследия Костяного Древа.

Мы прошли в кухню, сияющую хромом современной техники.

Бабушка включила электрический чайник, достала из шкафа пузатый керамический заварник и бережно засыпала в него душистый травяной сбор. В тот же миг аромат мяты и чабреца наполнил пространство, окутывая нас успокаивающим, почти гипнотическим облаком. Пока закипала вода, бабушка извлекла из кладовой банку с мёдом.

Когда чай настоялся, мы устроились за столом. Бабушка наполнила мою чашку обжигающим напитком и протянула ложечку, щедро увенчанную золотистым мёдом. Я сделала несколько глотков и почувствовала, как напряжение постепенно покидает тело, растворяясь в горячей сладости.

Руки перестали трястись, дыхание вернулось в норму.

— Бабушка, расскажи, что это было? — решила я задать вопрос.

— Ну что ж, — начала бабушка, глядя на меня своими добрыми, всепонимающими глазами. — С чего бы начать эту историю, чтобы не запугать тебя окончательно? Она тянется сквозь века, словно корни древнего дуба, уходящие глубоко в землю, в самую тьму веков. История о тайнах, великой силе и ответственности, что передаётся в нашей семье из поколения в поколение. Готова ли ты открыть эту дверь? Готова ли услышать её?

Я кивнула. Внутри меня просыпалось нездоровое любопытство, щедро приправленное первобытным страхом.

Костяное Древо, древние знания...

Что всё это значит?

И какую роль во всём этом хаосе играю я?

— Всё началось давным-давно, — заговорила бабушка, — когда наши предки жили в глухих лесах, а цивилизация едва начинала робко зарождаться сквозь пелену дикости. Они

были хранителями древних знаний, передаваемых из уст в уста. От матери к дочери, от отца к сыну. Знаний о силе природы, о целебных травах, способных исцелить любую хворь, и о магии, что дремлет в каждом из нас, ожидая своего часа. Но самое главное из всех. Знания о Костяном Древе.

— Костяное Древо... — повторила я, смакуя каждое слово, пробуя его на вкус и пытаюсь уловить скрытый смысл.

— Да, Костяное Древо, — подтвердила бабушка. — Это не просто дерево. Это символ нашей семьи, символ неразрывной связи с предками и с той силой, что течёт в наших венах, в каждой клеточке нашей плоти. Оно выросло из костей древнего шамана, отдавшего жизнь, чтобы защитить свой народ от неминуемой гибели. И теперь оно хранит в себе мудрость и силу всех, кто когда-либо принадлежал к нашему роду.

Бабушка умолкла, пристально вглядываясь в моё лицо.

В её глазах я увидела не только любовь и тепло, но и едва уловимую тревогу. Она боялась того, что собиралась открыть, боялась того, как я это приму.

И я вдруг остро почувствовала.

Эта история, словно ядовитый плющ, навсегда опутает мою жизнь, изменив её до неузнаваемости.

— Это дерево не просто источник наших сил. Это дерево — врата, портал, соединяющий миры, — продолжила бабушка после непродолжительной паузы. — Шаман отдал свою жизнь, запечатав проход, чтобы тьма не просочилась в наш мир, не осквернила его своим зловонным дыханием. С тех пор наш род хранит это дерево, стоит на страже, не смыкая глаз. Время от времени нечисть, копошащаяся в тёмных углах вселенной, пытается прорваться сквозь завесу, желая вырваться на свободу. Наш долг — не дать ей этого. Иногда ей удаётся проскользнуть, и тогда мы должны приложить все силы, чтобы вернуть её обратно.

Тишина в доме стала настолько густой, что, казалось, её можно потрогать руками.

Я смотрела на бабушку, отчаянно пытаюсь осознать смысл её слов, но разум отказывался принимать чудовищную реальность.

Дерево?

Портал?

Нечисть?

Это звучало как отрывок из старинной сказки, как легенда, но никак не часть моей повседневной жизни.

— Но как... Как такое вообще возможно? — прошептала я, чувствуя, как предательски дрожат губы, выдавая страх.

Бабушка накрыла мою ладонь своей рукой.

— Мир не так прост и понятен, как кажется на первый взгляд, внученька. Существуют вещи, которые не поддаются никакому логическому объяснению, но от этого не перестают быть реальными, осязаемыми и опасными. Наш род веками хранил эту тайну, передавая её избранным из нашего рода. Теперь пришла и твоя очередь. Мне предстоит многому тебя научить, открыть глаза на истинную суть вещей.

— Значит, кукла из шкатулки... Она не из нашего мира? — догадалась я.

По коже пробежал табун ледяных мурашек.

— Именно. Она из другого измерения.

Я замолчала, пытаюсь вместить в себя обрушившуюся лавину откровений. Под их тяжестью я едва не задохнулась. Теперь я понимала, почему мама так отчаянно пыталась меня остановить, уберечь от правды.

— А мама...? — начала я.

Но бабушка, словно прочитав мои мысли, опередила меня.

— Она сбежала. Променяла долг перед родом на тихую гавань, ответственность — на блеск золота, на призрачную свободу.

Бабушка замолчала.

В её глазах плескалась глубокая, невыразимая печаль, от которой у меня сжалось сердце. Я вдруг осознала, какой непомерный груз она несла все эти годы, храня страшную тайну, от которой отвернулась даже моя собственная мать, её дочь.

— Но почему? Почему она так поступила? — прошептала я, не в силах понять мотивы матери, понять её выбор.

Бабушкин взгляд устремился кудато вдаль, сквозь стены комнаты, будто она пыталась разглядеть прошлое, увидеть истинные причины поступка дочери.

— Она всегда была другой, внученька. Жаждала яркой жизни, блеска, свободы, не обременённой никакими обязательствами. Тайна нашего рода — это бремя, непосильная ответственность, которую не каждый способен вынести. Она предпочла отвернуться, забыть, сделать вид, что ничего не существует, спрятаться в своём уютном мире.

Я молчала, осмысливая её слова.

В душе не находилось места для осуждения.

Только смятение и боль.

— Но этот дом... Ведь это проект моего отца, а дизайном занималась мама, — прошептала я тихо, всё ещё в смятении. — Я безошибочно узнаю её почерк, её стиль. Значит, они всётаки бывали здесь?

Бабушка кивнула, и в её глазах отразилась глубокая печаль.

— Да, Катенька, ты всё верно поняла. Так Люда пыталась искупить свою вину, залечить раны, которые сама же и нанесла. Я не смогла прогнать её. Она моя дочь, а материнское сердце не ведает обид. Во мне теплилась робкая надежда, что в ней проснётся долг, что она примет своё наследие... Но чуда не произошло.

Её вздох эхом отозвался в тишине комнаты, многократно усиленный моей тревогой.

Я смотрела на бабушку, и в сердце моём крепла твёрдая решимость.

Никогда не покину тебя, бабушка. Никогда не предам.

— Кто мы? — нарушила я гнетущую тишину, сменив тему.

— Ведьмы, — торжественно ответила бабушка, и её голос наполнился непоколебимой силой. — Могущественные ведьмы, незримые стражи, стоящие на рубеже этого мира и оберегающие его покой от вторжения тьмы!

Она заметила моё выражение лица и ободряюще сжала мою руку. Тепло разлилось по телу, прогоняя остатки страха. Её глаза горели внутренним огнём, неземным пламенем, от которого невозможно было отвести взгляд.

— Не бойся, дитя моё, — прошептала она. — Это не проклятие, а бесценный дар. Древний, могущественный, но требующий огромной ответственности и глубокого понимания. Мы не творим зло. Мы свято храним равновесие сил. Используем силы природы во благо, помогаем тем, кто нуждается в нашей помощи, но главное, защищаем этот мир от тьмы, что таится за его пределами.

Бабушка вышла из кухни и вернулась через пару минут, держа в руках старинную книгу в потемневшем от времени кожаном переплёте. Фолиант казался невероятно древним, его страницы хранили дыхание веков.

Она протянула книгу мне.

Страницы были исписаны незнакомыми символами и сложными формулами. Запах старых трав и воска, исходящий от книги, заполнил комнату, создавая таинственную атмосферу.

— Это Книга Наследия Костяного Древа, — прошептала бабушка с благоговением. — В ней собраны знания наших предков, секреты нашего рода, бережно сохранённые на протяжении веков. Она станет твоим проводником в новый, неизведанный мир магии. Но помни,

знания — это великая сила, а сила требует мудрости и осторожности. Будь осмотрительна с тем, что узнаешь, и используй свой дар только во благо.

Я зачарованно водила пальцами по страницам, испещрённым непонятными символами и причудливыми рисунками, отчаянно пытаюсь разгадать их сокровенный смысл.

— Но я... Я совершенно ничего не понимаю, бабушка. Что здесь написано?

В её глазах блеснул озорной огонёк предвкушения.

— Скоро это изменится, внученька. Завтра с первым лучом солнца мы начнём твоё обучение. Я буду твоим проводником, наставником и советчиком на этом непростом пути.

Утро встретило меня робким золотым лучом, просочившимся сквозь резные ставни, украшавшие окна. Вскочив с кровати, я быстро приняла душ и оделась. Спустившись вниз, увидела бабушку. Она стояла у окна, закутанная в шаль цвета утренней зари, и казалась частью самого восхода, олицетворением нового дня. Рядом на журнальном столике стоял небольшой деревянный ларец, окованный старинным серебром.

— Сегодня ты увидишь, как магия слов оживает, как древние символы обретают силу, — промолвила она, открывая ларец.

Я подошла ближе.

Внутри лежали разноцветные камни, пучки сушёных трав, собранных в полнолуние, и старинные перья диковинных птиц.

— Каждый символ в Книге Наследия, это ключ к огромной силе, дремлющей в тебе, ожидающей пробуждения. Но чтобы его повернуть, чтобы открыть заветную дверь, нужна вера, усердие, неутолимая жажда знаний и неразрывная связь с миром вокруг.

— Бабуля, а завтрака не будет? — удивлённо воскликнула я.

Желудок предательски заурчал, напоминая о своей первостепенной потребности.

Бабуля усмехнулась и пригласила меня на кухню.

Завтрак уже был готов и терпеливо дожидался меня на столе. Расправившись с едой в мгновение ока, мы вернулись в гостиную, готовые приступить к таинственным урокам магии.

Обучение началось с азов.

Расшифровка вязи древних символов, постижение целебных свойств трав, искусство безмолвной концентрации.

Бабушка, словно заправская сказочница, поведала множество легенд о наших предках. В них было невозможно поверить. О великих подвигах и роковых ошибках, о сакральной силе Костяного Древа, оберегавшей род и дарующей помощь страждущим.

С каждой новой историей письма в Книге Наследия проступали отчётливее, обретали плоть и кровь, словно древние духи пробуждались от векового забытья.

Я чувствовала, как во мне зреет нечто новое, доселе неведомое.

Мир вокруг преобразился.

Шёпот ветра обернулся песней, тени деревьев — причудливым танцем, а каждый камень — хранителем древних тайн.

Книга Наследия перестала быть набором непонятных знаков.

Она стала компасом, указывающим путь в мир магии, силы и неизбежной ответственности.

С головой окунувшись в этот чарующий омут, я потеряла счёт времени.

Год, словно мимолётная тень, промелькнул над алтайской землёй.

Я училась ведьмовству, отрешившись от всего, что лежало за пределами леса.

Вся моя жизнь стала принадлежать магии и познанию нового, населённого диковинными существами мира.

Я обрела гармонию с лесным зверьём. Волк, повстречавшийся мне в тот памятный день, стал моим верным альтер эго. Бабушка, не лишённая своеобразного чувства юмора, нарекла

его Кафенкором «Ревун Сумерек». Для меня же он был просто Каф. Мы исходили лес вдоль и поперёк, вдыхая терпкий аромат хвои и внемля шёпоту вековых сосен.

Мама, встревоженная моим выбором, навещала меня не раз, пытаясь вернуть в привычный мир.

Но я стояла на своём, как скала.

— Мой дом здесь, среди лесных тайн и заповедных троп.

Ни тени сомнения, ни вздоха сожаления.

Я приняла своё наследие безропотно и с благодарностью, каждой клеточкой ощущая, что это мой путь, судьба, вырезанная на коре древних деревьев и прочитанная в мерцании звёзд над головой.

И вот, наконец, настал тот самый, судьбоносный день.

День моего посвящения.

Бабушка прошептала, что с первыми лучами восходящего солнца древняя, дремлющая сила ведьмы пробудится в моей крови.

Мы долго и тщательно готовились к этому мгновению.

Ещё до того, как рассвет тронул горизонт, мы отправились в путь.

Нашей целью было священное Костяное Древо.

Извилистая тропа петляла сквозь густой, влажный лес, где каждый шаг сопровождался шелестом листвы. Бабушка шла впереди, прямая и непоколебимая. В руках она держала резной посох, увенчанный лунным камнем, слабо мерцающим в предрассветной дымке.

Я следовала за ней. Сердце бешено колотилось в груди, смешивая волнение и трепетное предвкушение. Каждый звук, каждый шорох казались предзнаменованием.

Когда мы достигли поляны, первые лучи солнца, пронзив листву, озарили древнее древо.

Его могучие корни уходили глубоко в землю, словно удерживая на себе весь мир, а ветви тянулись к небу в безмолвной мольбе о благословении.

Кора, поросшая мхом и лишайниками, хранила неизгладимые следы времени, а на одной из ветвей алела выплывшая лента. Безмолвное напоминание о поколениях ведьм, приходивших сюда до меня.

В самом сердце ствола зияло огромное дупло, словно глазница, затянутая пеленой тайны.

Я подошла ближе, чувствуя, как прохлада дерева проникает сквозь одежду, обволакивая кожу ледяным прикосновением. Воздух вибрировал едва уловимой энергией, словно само древо дышало, вдыхая и выдыхая забытые истории. Рука, не повинаясь разуму, потянулась к шершавой коре, коснулась мха. Мягкого и влажного, как бархат. Под пальцами ощущалось биение. Не пульс, а глухое эхо минувших эпох, шёпот духов, заключённых в этом живом исполине.

Дупло манило меня как чёрная дыра.

Заглянуть в него означало...

Но любопытство взяло верх.

Я наклонилась, пытаясь разглядеть хоть что-то в крошечном мраке.

Из глубины дупла повеяло леденящим душу холодом. Дыхание самой вечности вырывалось наружу. В нос ударил резкий запах прелой листвы и чего-то ещё, древнего и забытого. Казалось, внутри шевелится нечто живое, едва уловимое, но бесспорно присутствующее.

На мгновение мне почудился слабый свет. Меркнувший, как одинокий светлячок в глухой ночи. А следом донёсся шёпот: тихий, едва слышный, будто далёкий зов из иного мира.

Слова сорвались с моих губ непроизвольно, словно их продиктовала сама тьма.

— Я здесь.

В ответом было молчание.

Густое, всепоглощающее, как будто предупреждение, застывшее в воздухе.

Но я знала, что-то изменилось.

Я почувствовала это.

Я больше не была сторонним наблюдателем.

Я стала частью этой истории, частью древней тайны.

И цена этого знания могла оказаться непомерно высока.

Бабушка, остановившись перед деревом, готовилась к ритуалу. Её движения были размеренными, отточенными веками традиций. Она достала из холщовой сумки небольшой глиняный сосуд, наполненный ароматным маслом, и, подождав меня, начала наносить им символы на моё лицо, шею и руки.

Масло пахло альпийскими травами и влажной землёй. Запах, в котором смешались сила природы и древняя магия. По коже побежали мурашки, каждая капля масла пробуждала что-то дремлющее внутри. Бабушка заговорила и её голос звучал низко, ровно, произнося древние слова, передаваемые из поколения в поколение. В них чувствовалась мощь, сокровенная тайна, вековая мудрость, заключённая в звуках.

Когда она закончила, солнце уже поднялось высоко в небе. Его тёплые лучи ласкали кожу, согревая внутренним огнём, но это тепло смешивалось с чем-то иным, с энергией, идущей из глубин земли и от самого древа.

Воздух вокруг меня сгустился, наполнившись едва уловимой дрожью.

От древнего Костяного Древа ко мне потянулись нити энергии.

Тонкие, светящиеся, похожие на вены, пронизывающие мироздание.

Они окутали меня с головы до пят мерцающим коконом неземного света, сплетаясь в невидимую сеть.

Внутри что-то встрепенулось.

Древнее, незнакомое и в то же время родное.

Оно забило в унисон с ритмом древа, потянулось навстречу этим невесомым нитям, и в один миг они сплелись, став единым целым.

Могущественная сила, пробуждённая последними словами заклинания, хлынула по моим венам огненной рекой.

Она не жгла.

Она наполняла, оживляла, раскрывала во мне то, что спало веками.

Подобно удару молнии, пронзившему меня насквозь, эта сила оставила после себя неземную лёгкость и абсолютную, всепоглощающую уверенность.

Я больше не была просто девушкой.

Я стала ведьмой.

Наследницей древнего рода, чьи корни уходят в глубь веков.

Хранительницей тайн, спящих в вечности.

Моим посвящением стало не просто слово, оно стало частью меня, частью мира, который я теперь видела иначе.

Я медленно открыла глаза.

Бабушка ахнула, заглянув в моё преображённое лицо.

В её взгляде отразились изумление, гордость и тревога, смешанная со страхом.

Будто она увидела не просто внучку, а воплощение чего-то большего, чего-то, что она не ожидала увидеть.

Дорогие читатели!

Я очень рада, что вы читаете мою книгу. У меня к вам огромная просьба: будьте активнее! Пожалуйста, оставляйте свои впечатления в виде лайков и комментариев. Также не забывайте подписываться на меня.

С любовью к вам, ваша Ольга Острова.

Глава 3

— Катерина! Глаза... Твои глаза! — прошептала бабушка, и в голосе её прозвенело не то потрясение, не то священный трепет. В нём читалось безмолвное признание чуда, свидетелем которого она стала.

Я вскинула голову, встревоженная её внезапным смятением.

Сердце ёкнуло, по спине пробежал холодок.

— Изменились? Как? — спросила я, невольно коснувшись своих век.

Бабушка не ответила сразу.

Она замерла, впившись в меня взглядом, словно пыталась прочесть что-то в глубине моих зрачков. Её пальцы слегка дрожали, а обычно мягкая линия губ напряглась.

— Сила... Твоя сила... — бабушка запнулась, пытаясь поймать ускользающие слова.

Взгляд её, всегда такой тёплый и любящий, вдруг заострился, стал оценивающим, пронзительным, как луч зимнего солнца.

Она молчала, нырнув в омут собственных мыслей, глядела на меня так, будто видела впервые.

Будто перед ней стояла не внучка, а неведомая, загадочная гостья из иного мира.

— Что с моей силой, бабуль? Что-то не так? — голос дрогнул, но я старалась не поддаваться панике.

Бабушка глубоко вздохнула, собираясь с духом, и наконец произнесла:

— В тебе пробудилась сила ведьмы высшего ранга, внученька.

— Высшего ранга, — эхом повторила я за ней.

— Такое случалось считанные разы за всю долгую историю нашего рода. Если быть точнее, всего дважды...

Она сделала паузу, и я почувствовала, как воздух вокруг стал гуще, тяжелее.

— Твои глаза... Они теперь разного цвета. Но не страшись, дитя. В часы покоя они вновь обретут свой привычный оттенок.

Снова молчание.

Я стояла, боясь пошевелиться, боясь спугнуть момент, когда мир вокруг меняется навсегда.

— Первое, что должна уяснить: сила — не самоцель, — продолжила бабушка твёрдо. — Она лишь инструмент, средство достижения цели. А цель должна быть чиста и благородна. Иначе сила обратится против тебя, и ты станешь своим злейшим врагом.

Её голос звучал так, будто она передавала древнее пророчество, высеченное в камне веков.

Я прилежно внимала ее наставлениям.

— Начнём обучение с малого. С покорения стихий. Научишься призывать дождь, разгонять тучи, умирять пламя. Затем перейдём к более сложным искусствам. Целительству, прорицанию, защитным чарам. И помни, внученька, каждый шаг требует осмотрительности и предельной концентрации. Ошибка может дорого стоить. Но не бойся. Я буду рядом. И вместе мы сделаем всё, чтобы ты стала достойной наследницей нашей великой линии.

Сердце бешено заколотилось в груди.

Ведьма высшего ранга?

Это казалось чем-то немыслимым, близким к безумию.

Я читала о таких.

Об их мощи, лежащей за пределами человеческого понимания.

И теперь эта сила принадлежит мне...

Бабушка шагнула ближе, коснулась моей щеки дрожащей рукой. В её глазах плескались восторг и неприкрытый страх.

Страх за меня?

Или страх перед той неистовой энергией, что теперь клокотала во мне?

— Это огромная ноша, Катерина, — произнесла она тихо, почти шёпотом. — Сила ведьмы высшего ранга не только бесценный дар, но и тяжкое бремя. Тебя ждёт череда суровых испытаний, бесчисленные, неведомые опасности. Мир магии жесток, внученька, и он не терпит даже малейших оплошностей.

Я слушала её, затаив дыхание, силясь осознать всё сказанное. Мысли вихрем носились в голове, сталкиваясь и перебивая друг друга.

Что значит «испытания»?

Какие «опасности»?

И почему моя сила — это «бремя»?

Но я знала одно. Я не боюсь. Я готова принять этот дар, эту ответственность. Я готова стать той, кем мне предназначено быть.

Вернувшись с бабушкой домой, я поднялась в свою комнату. Без сил опустилась на кровать и провалилась в сон до самого рассвета.

Проснувшись, я жадно прислушалась к звукам пробуждающегося леса, доносящимся из распахнутого окна. Звонкие трели птиц переплетались с умиротворяющим шелестом листвы и тихим журчанием невидимого ручья, создавая неповторимую симфонию нового дня. Я ощутила, как волна свежести наполняет меня, изгоняя остатки ночных грёз.

Вскочив с кровати, я подошла к окну и вдохнула полной грудью чистый, настоящий на хвое и лесных травах воздух. Солнце только начинало свой восход над горизонтом, окрашивая верхушки вековых деревьев в нежные золотистые оттенки.

Я чувствовала себя неотъемлемой частью этого древнего мира, ощущала мистическую, неразрывную связь с окружающей природой. В голове вновь всплыли осколки вчерашнего дня.

Таинственный ритуал, проведённый Алефтиной. Пробудившаяся во мне сила ведьмы, что подобно раскалённой лаве пронеслась по моим венам...

Всё это казалось нереальным, как безумный сон, навеянный лунным светом.

Но теперь я знала.

Это не сон.

Это моя новая реальность.

Решив не терять ни минуты драгоценного времени, я быстро оделась и спустилась вниз. Бабушка уже хлопотала на кухне, готовя завтрак. Аромат свежеспечённых блинов и душистого травяного чая наполнил дом теплом и уютом, создавая атмосферу безмятежного счастья.

За столом мы, как обычно, обсуждали планы на предстоящий день и делились сокровенными мыслями. Впереди меня ждало настоящее посвящение в тайны магии, полное открытий и испытаний.

Дни полетели стремительно, превращаясь в калейдоскоп ярких мгновений. Я училась подчинять себе непокорную природу. И, признаюсь, немало деревьев пало жертвой моих первых неуклюжих попыток.

Однажды во время особенно усердной тренировки я совершенно случайно вызвала небольшой, но вполне ощутимый торнадо. Вихрь поднимал листья, гнул траву и угрожающе кружил вокруг меня. Встревоженная бабушка выбежала на улицу, воинственно размахивая поварешкой, и принялась отчитывать разбушевавшуюся стихию, словно непослушного ребёнка.

— Ну-ка прекрати сейчас же! Разве так ведут себя воспитанные вихри?

К моему искреннему изумлению, торнадо, повинаясь её строгим словам, постепенно утих, развеявшись в воздухе, как утренний туман. Именно тогда я поняла, что истинная магия кроется не в громких и сложных заклинаниях, а в мудрости и гармонии с окружающим миром.

Бабушка учила меня не просто повелевать стихиями, но и видеть их неповторимую красоту.

Мы подолгу бродили по зачарованному лесу, внимательно прислушиваясь к таинственному шёпоту вековых деревьев, заворожённо наблюдая за причудливыми облаками и находя умиротворение в тихом журчании лесных ручьёв.

Она терпеливо показывала мне, что в каждой травинке, в каждом замшелом камне скрывается своя неповторимая история, свой собственный уникальный дух.

Постепенно мои хаотичные и неуклюжие попытки превратились в осознанное и целенаправленное управление энергией.

Я больше не ломала деревья, а помогала им расти и крепнуть, направляла живительные потоки воды, даруя жизнь увядшим цветам, и вела тихие беседы со свободным ветром.

В один из вечеров, когда солнце коснулось горизонта, окрашивая небосвод в багряные и лиловые тона, бабушка позвала меня к себе. Она взяла мою руку в свою, такую тёплую и родную, и сказала тихим, уверенным голосом.

— Теперь ты готова. Ты постигла основы, но истинная магия живёт в твоём сердце. Используй её мудро и во благо всего живого.

С этими словами она передала мне старинный амулет, бережно хранимый символ нашей семьи.

Серебро мерцало в последних лучах заката, а камень в центре пульсировал в такт моему сердцебиению.

Я поняла, что ещё один важный этап моего пути успешно завершён.

— Ба, ну когда же ты возьмёшься учить меня охоте на нечисть? — заныла я, в сотый раз повторяя этот вопрос. — И я так хочу снова увидеть Костяное Древо... Оно снится мне!

— Охота на нечисть — это не забава и не развлечение, дитя, — ответила она стальным голосом. — И Костяное Древо — не место для игр и праздного любопытства. Твоё время непременно придёт, не переживай, успеешь ещё вдоволь навоеваться с демонами и прочей нечистью. А пока учись чувствовать окружающий тебя мир, видеть то, что скрыто от глаз обычных людей, слышать голоса тех, кто давно покинул этот мир.

Я вздохнула с досадой.

Спорить с бабушкой — что воду в ступе толочь. Непреклонна, как кремь. Но сердце жаждало приключений, душа рвалась в бой с тёмными силами, чтобы встать на защиту невинных. В моём наивном, неискушённом воображении Костяное Древо было не просто древним местом силы, а священным символом нашего рода, неиссякаемым источником магии. Я мечтала о том дне, когда вновь прикоснусь к его корявым узловатым ветвям, почувствую, как мощный поток энергии опалает меня изнутри, связывая невидимыми нитями с предками.

Изо дня в день я внимала каждому бабушкиному слову.

С жадностью поглощала пыльные фолианты, что хранили бесценные знания о мире духов и тварей, его населяющих.

Усердно практиковала медитацию, стремясь обуздать свой буйный нрав и направить энергию в нужное русло.

Верила, что рано или поздно заслужу право стать настоящей охотницей на нечисть, внести свой посильный вклад в защиту мира от зла, что рыщет по ту сторону портала, мечтая проникнуть в нашу реальность.

А пока оставалось лишь ждать и мечтать.

Я знала, что путь будет тернист и долог, но была готова пройти его до конца. В сердце моём горел неугасимый огонь — жажда приключений и стремление к справедливости. Я

верила, что с помощью бабушкиных знаний и родовой магии смогу стать достойной наследницей своего рода.

Однажды утром, проснувшись, я спустилась вниз.

В доме непривычно тихо.

Из кухни не доносился дразнящий аромат травяного чая и свежей выпечки.

Сердце сжалось от неясной тревоги.

Где же бабушка?

Я прошла на кухню. На столе лежала записка, придавленная старинной серебряной ложкой.

«Милая, вынуждена отлучиться по срочным делам. Не волнуйся, скоро буду. Приготовь завтрак сама».

Корявые строчки, нацарапанные торопливым почерком, лишь усилили беспокойство.

За всё время, что я помню себя в этом доме, бабушка ни разу не покидала его внезапно, посреди ночи, как призрак, растворяющийся в тумане.

Что могло случиться?

«Не стоит паниковать раньше времени, — уговаривала я себя. — Нужно просто подождать».

С неохотой приготовив яичницу, я проглотила её без всякого аппетита. В гостиной, устроившись в старом кресле-качалке, я попыталась отвлечься, углубившись в изучение древних рун. Время тянулось медленно, тревога не отпускала. Взглянув в окно, я увидела, что солнце уже в зените, а сумерки крадутся по земле длинными тенями. Бабушка всё ещё не вернулась. Дурное предчувствие обвилось вокруг моего сердца.

Выйдя на крыльцо, я опустила на ступеньки.

В этот момент из леса вынырнул Каф и замер напротив. Его волчий взгляд был полон неподдельной тревоги, что лишь усугубило мои опасения. Я провела рукой по его мягкой лоснящейся шерсти.

— Ты знаешь, куда ушла бабушка? — спросила я зверя с дрожью в голосе.

В ответ послышался лишь короткий, встревоженный скулёр.

— Тогда веди меня! — воскликнула я, вскакивая на ноги.

Каф, не дожидаясь повторного приказа, сорвался с места и, оглядываясь, не отстаю ли я, помчался вглубь леса.

Я, не раздумывая, побежала следом, продираясь сквозь колючий кустарник, перепрыгивая через корявые корни деревьев.

Сердце бешено колотилось в груди, а в голове роились самые мрачные предположения.

Куда он меня ведёт?

Что могло случиться с бабушкой?

Лес становился всё гуще и темнее. Последние лучи заходящего солнца едва пробивались сквозь плотную листву, окрашивая стволы деревьев багрянцем. Каф бежал уверенно, чувствуя дорогу нутром. Наконец он остановился у края небольшой поляны, и мои глаза увидели Костяное Древо. Его ветви, искривлённые временем, тянулись к небу, словно руки, молящие о помощи.

В этот момент до меня донёсся слабый, приглушённый стон.

С бешеной скоростью добравшись до дерева, я замерла, как громом поражённая.

Бабушка лежала, прислонившись спиной к шершавой коре, а на её груди алела зияющая рана, из которой медленно сочилась тёмная, почти чёрная кровь.

Застывшая на лице гримаса боли искажала знакомые, любимые черты.

— Бабушка! — вопль ужаса вырвался из моей груди.

Я рухнула на колени рядом с ней.

— Что случилось? Кто это сделал, бабуленька?

Её веки дрогнули, и она, узнав меня, попыталась улыбнуться.

Улыбка вышла слабой, жалкой.

— Всё хорошо, золотце, — прошептала она одними губами. — Не беспокойся, пустяки...

Я стояла на коленях в оцепенении.

Парализованная страхом.

Не в силах пошевелиться.

Лишь отчаянный вой Кафа, полный невыносимой тоски, вывел меня из ступора.

Очнувшись, лихорадочно принялась осматривать рану, силясь хоть как-то остановить кровь. Наспех перевязав её подолом юбки, соорудила подобие носилок из веток и тряпья и осторожно уложила туда бабушку.

Вцепившись в край самодельного ложа, я потащила его по ухабистой земле. Каждый шаг отдавался мучительной болью в израненных ладонях. Спустя бесконечные часы, измученная и обессиленная, наконец дотащила её до дома.

Не теряя ни секунды, уложила бабушку на диван в гостиной, промыла и перевязала рану. Она лежала без сознания, бледная и неподвижная. Я опустила на пол рядом с диваном, взяла её холодную, слабую руку в свои. Вглядываясь в родные черты, почувствовала, как отчаяние ледяной хваткой сжимает моё сердце.

Что делать?

Как её спасти?

Бабушка запретила мне звать доктора, сказав, что это бесполезно. Да и как я оставлю её одну на много часов?

Время тянулось мучительно медленно. Каждая минута казалась вечностью, наполненной страхом и надеждой. Я металась по дому в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы помочь. Лихорадочно перебирала сушёные травы, вспоминая все бабушкины рецепты. Заварила крепкий отвар из ромашки и зверобоя, попыталась влить его бабушке в рот, но она не глотала. Жидкость струйкой стекала по подбородку на подушку.

Я прислушивалась к каждому её вздоху, к каждому слабому биению пульса. Казалось, жизнь покидает её с каждой секундой. Каф, не отходя от дивана, тихо скулил, словно понимая всю серьёзность ситуации. Его преданные глаза смотрели на меня с мольбой.

Вдруг бабушка слабо застонала и открыла глаза. В её взгляде читалась усталость и какая-то странная обречённость. Она с трудом подняла руку и коснулась моего лица.

— Послушай меня внимательно, внученька, — прошептала она. — В моей комнате, в тумбочке у кровати... ключ. Возьми его и спустись в подвал. Там... ответы. На всё... Прошу тебя... будь осторожна... и не мсти за меня. То, что случилось... неизбежно. Не вини себя... ни в чём.

Её слова ранили меня сильнее любой раны. Я судорожно сжала её руку, пытаюсь удержать её, удержать жизнь, ускользающую сквозь пальцы.

— Не говори так, бабуленька! Мы справимся! Я спасу тебя!

Она слабо улыбнулась и закрыла глаза.

Последний вздох сорвался с её губ, и её рука безжизненно упала на диван.

Тишина наполнила комнату.

Оглушительная, беспощадная.

Каф жалобно завыл, прижавшись мордой к её неподвижному телу.

Я осталась одна.

В отчаянии, с леденящей пустотой в сердце.

Похороны прошли как сквозь пелену мутного сна. Вся деревня, словно осиротевшая семья, собралась, чтобы проводить Алефтину в последний путь. Мама с отцом приехали, едва я успела сообщить им страшную весть. Молча, с каменными лицами, они взяли на себя все

организационные хлопоты, ограждая меня от суровой реальности, в которой бабушки больше не было.

Земля тяжело ложилась в могилу, глухо ударяясь о крышку гроба.

Каждый ком отдавался болезненным эхом в моей голове, словно кто-то методично выбивал из меня остатки надежды.

Я стояла, оцепенев, не в силах проронить ни слезинки.

Горе сковало меня ледяными цепями, превратив в безвольную куклу.

Каф, притихший и подавленный, лежал у моих ног, изредка вздрагивая всем телом.

После поминок родители в один голос начали уговаривать меня уехать из этого дома, вернуться в город и забыть всё, как страшный сон.

— Мама, о чём ты? Папа, он не понимает, насколько всё серьёзно, но тыто знаешь... Как можно бросить всё и сбежать? Кто станет стражем Костяного Древа? Кто защитит мир от тьмы, которая рвётся наружу? — слова сорвались с губ безжизненным эхом.

— Это не твоя ноша! — в отчаянии воскликнула мать, в её голосе звучала мольба.

— Правда? Не моя? А чья тогда? Предлагаешь мне поступить так же, как сама когда-то? Ты оставила бабушку в одиночестве охранять портал! — каждое слово звенело сталью, не оставляя места для жалости и сочувствия.

Мать отшатнулась, словно от пощёчины, на её лице отразилась боль давней раны.

— Катерина, не смей так говорить с матерью! — вмешался отец, нахмутив брови. — Твоего согласия никто не спрашивает. Ты едешь с нами, и точка.

— Не поеду! Не поеду! Не заставьте! Здесь мой дом! — ярость вырвалась наружу, как лава из жерла вулкана.

Родители ахнули и попятились, в их глазах плескался первобытный ужас.

— Что... что с твоими глазами? — пролепетала мать, заикаясь, увидев нечто невообразимое. — Вы... вы уже провели ритуал?

— Да! Я — ведьма! — я наступала, гнев душил.

Предметы взмывали в воздух, повинувшись моей воле, танцуя в безумном вихре.

— Уезжайте!

После отъезда родителей дом опустел окончательно. Они уехали, оставив меня наедине с моей болью. Каждый угол, каждая вещь, казалось, кричали об Алефтине. Её любимая чашка на столе, недочитанная книга на прикроватной тумбочке, платок, небрежно брошенный на спинку кресла. Всё это было пропитано её присутствием, её теплом. Я ходила по дому, как призрак, касаясь этих вещей, пытаясь удержать ускользающие воспоминания.

Ночи стали самым страшным испытанием. В темноте, когда вокруг царил тишина, меня накрывала волна отчаяния. Я лежала в постели, уставившись в потолок, и видела перед собой её лицо. Доброе, улыбающееся, живое. Слышала её голос, её смех. И от этого становилось ещё больнее, ещё невыносимее.

Каф, словно чувствуя моё состояние, не уходил от меня ни на шаг. Он ложился рядом, клал свою морду мне на колени и тихонько поскуливал, пытаясь утешить, согреть своим теплом. Его преданность была единственным лучом света в этой кромешной тьме.

Я знала, что должна жить дальше. Что Алефтина не хотела бы, чтобы я сломалась, утонула в пучине скорби. Но как это сделать? Как найти в себе силы двигаться вперёд, когда часть меня умерла вместе с ней? Это был вопрос, на который у меня пока не было ответа. Лишь жгучая боль, разъедающая изнутри.

Неумолимый бег времени отсчитывал дни траура.

Девять дней пронеслось с тех пор, как бабушки не стало, а впереди уже вырисовывались тягостные сорок. Каждое утро, как приговорённая к каторге, я поднималась с постели, заставляла себя проглотить завтрак и шла заниматься, искать спасение в делах. Порой мы с волком, как две заблудшие души, часами бродили по лесу, ища приюта в его безмолвном величии. Там,

в тиши лесных чащ, я оттачивала свои магические навыки. Ветер послушно трепетал в моих ладонях, повинаясь моей воле, и дождь по мановению моей руки омывал землю. Лишь стихия огня оставалась непреклонной, неукротимой, ускользая от моих отчаянных попыток покорить её яростное пламя.

Однажды, в глуши леса, у старого, обугленного пня, я вновь попыталась призвать огонь.

Сосредоточившись, я протянула руку, представляя в ладони крошечный уголёк, искру жизни. Но вместо ожидаемого тепла меня обдало лишь холодом разочарования. Огонь не приходил. Ярость закипела внутри, но я сдержала её, понимая, что злость — плохой советчик, тупиковый путь.

Волк, молчаливый свидетель моих тщетных попыток, тихо заскулил и положил голову мне на колени. В его глазах я видела отражение собственной боли. Тёплое дыхание зверя, касаясь моей кожи, стало якорем в бушующем море отчаяния, напомнив о живом существе, которое нуждалось в моей заботе. Я провела рукой по его густой шерсти, и с каждым движением боль утраты отступала, становясь приглушённой, как далёкая мелодия.

Внезапно мой взгляд зацепился за крошечный костёр, забытый кем-то в лесной глуши. Он почти погас, тлея едва заметным огоньком. Идея пришла внезапно. Я подошла к костру, села рядом и начала просто смотреть на пламя. Не пытаясь его контролировать, не стремясь подчинить. Просто наблюдала за его танцем, за игрой света и тени, за причудливыми узорами, которые он выписывал в воздухе. Постепенно я начала чувствовать его тепло, его энергию, его дикую, неукротимую природу, услышала биение его сердца. Впервые я не боролась с огнём, а пыталась его понять, ощутить его суть.

И тогда случилось чудо.

Пламя откликнулось на мой интерес, на мой искренний порыв.

Оно стало расти. Ярче и сильнее, но не угрожающе, а приветливо, принимая меня в свой круг. Маленькие язычки пламени потянулись ко мне, желая коснуться, обнять. Я протянула руку и ощутила тепло. Приятное, обжигающее, но не причиняющее вреда.

Я покорила огонь, но не силой, а пониманием, проникновением в его душу.

И в этот момент я почувствовала, как бабушка улыбается мне из другого мира, одобряя мой путь.

С новым пониманием я вернулась к старому пню. Волк, всё ещё лежавший там, поднял голову и вопросительно посмотрел на меня, будто спрашивая: «Ну что, получилось?». Я улыбнулась ему и села рядом. На этот раз, протянув руку, я представила не крошечный уголёк, а отблеск большого костра, его живое, танцующее пламя, его неукротимую силу, его первозданную мощь.

И огонь пришёл.

Не вспышкой, не взрывом, а медленно и уверенно, пробуждаясь от долгого сна. Сначала едва заметная искра, дрожащая в воздухе. Потом робкий язычок пламени, неуверенно лизнувший воздух. И, наконец, полноценный костёр, согревающий меня своим теплом, дарящий ощущение уюта и покоя.

Я чувствовала себя частью этого огня, его продолжением, его союзником, а не его повелителем.

Волк тихо завыл, радуясь моему успеху, разделяя мою радость. Его глаза блестели в свете пламени, отражая танцующие блики.

Я поняла, что сила не в контроле, а в понимании и гармонии, в умении слышать голос природы.

Огонь, как и любая другая стихия, не терпит насилия, не прощает грубости. Его можно покорить только уважением и любовью, искренним восхищением его красотой. Бабушка всегда говорила, что огонь живой, что у него есть душа, что в нём заключена тайна мироздания. И только сейчас я по-настоящему поняла, что она имела в виду.

С тех пор я больше не пыталась покорить огонь силой. Я училась слушать его, чувствовать его, понимать его. И он всегда отвечал мне взаимностью. Согревал меня своим теплом и освещал мой путь, словно верный друг, готовый поддержать в трудную минуту.

На исходе сорокового дня ко мне во сне пришла бабушка.

Лицо её дышало умиротворением, а во взгляде плескались безбрежная любовь и доброта — те самые, что согревали меня при жизни, как ласковое солнце.

— Здравствуй, внученька, — прозвучал её тихий, ласковый голос, такой родной и знакомый.

— Бабуля, милая, как ты? Всё ли у тебя хорошо? — прошептала я, робко пытаюсь коснуться её руки, боясь, что она исчезнет, растворится в дымке сновидения.

Её прикосновение оказалось таким же тёплым и родным, как и при жизни. Будто и не было этих долгих дней разлуки, время оказалось не властно над нашей любовью. Я почувствовала, как волна спокойствия накрывает меня, растворяя остатки горечи и печали, которые терзали меня последние недели, исцеляя мои раны, как целебный бальзам.

— У меня всё хорошо, родная. Я нашла покой и умиротворение, — ответила она, мягко улыбаясь, как ангел, посланный с небес. — Я пришла, чтобы ты знала: я всегда рядом, в твоём сердце, в твоей памяти. Я буду твоим ангелом-хранителем, оберегающим тебя от бед. Не печалься обо мне, внученька. Живи полной жизнью, радуйся каждому дню, как я тебя учила, будто это последний день на земле. Наслаждайся каждым мгновением. Помни о тех ценностях, которые мы разделяли: о любви, доброте и сострадании, о том, что делает нас людьми, о том, что делает нашу жизнь осмысленной.

Я смотрела на неё, не в силах оторвать взгляд, боясь упустить хоть одну деталь её облика. Мне хотелось расспрашивать её обо всём, узнать, каково ей там, в другом мире, но слова застревали в горле, словно невидимая сила сдерживала меня.

Вдруг она протянула мне руку и вложила в мою ладонь ключ.

Старинный и потёртый, с витиеватым узором на головке. Металл был холодным, но в то же время будто хранил в себе частицу её тепла.

— Катя, вспомни, о чём я тебе говорила в свой смертный час. Это очень важно, дорогая. Ты должна научиться быть боевой ведьмой, иначе погибнешь, иначе тьма поглотит тебя.

Я крепко сжала ключ в руке, чувствуя его вес, его историю, его связь с прошлым.

В этот момент бабушка начала постепенно растворяться в воздухе, становясь всё более прозрачной и невесомой.

— Люблю тебя, кровиночка моя, — прошептала она на прощание, словно последнюю молитву, словно благословение. — Я всегда буду рядом, в твоём сердце, в твоих мыслях, в каждом твоём вздохе.

Она исчезла, оставив меня наедине с тишиной.

Гулкой, всепоглощающей, где я осталась одна во всей вселенной. Пробуждение принесло ощущение её близости, будто невидимая нить связывала нас, обещая, что она всегда будет рядом.

И вдруг...

Озарение!

Воспоминание вспыхнуло яркой молнией в сознании.

Как я могла забыть? Ключ... Подвал...

Сердце забило в предвкушении неизведанного, зовущего вглубь тайны.

Вскочив с постели, я ринулась в бабушкину комнату, лихорадочно ища ключ. Пальцы дрожали, когда я нащупала его в ящике тумбочки. Он лежал там, будто ждал этого момента.

Сжимая его в руке и вооружившись фонариком, я начала спуск в тёмный, зияющий провал подвала, полный загадок и тайн.

Что ждёт меня там, внизу?

Какие секреты хранит бабушкин подвал, какие сокровища он скрывает?

Спуск уносил меня всё глубже, пока я не оказалась на самом дне. Подвал оказался неожиданно просторным. Здесь царили чистота и дивный аромат трав и солений, создавая ощущение уюта, будто сам дух дома нашёл здесь своё пристанище. Полки вдоль стен были уставлены банками с сушёными растениями, мешочками с порошками и склянками с разноцветными жидкостями.

В дальнем углу притягивала взгляд массивная деревянная дверь, окованная железом.

Именно её должен был открыть этот ключ.

Именно она хранила заветную тайну.

Сердце забилось быстрее, когда я вставила его в замочную скважину. Ключ вошёл идеально. Ведь он был создан именно для этого замка. Лёгкий поворот и раздался щелчок, открывающий путь к тайне.

Дверь медленно подалась, открывая узкий проход, приглашая меня ступить в неизведанное.

Я толкнула её, и она распахнулась шире, открывая моему взору... длинный коридор, уходящий вглубь земли. Стены были выложены старинным кирпичом, а с потолка свисали мерцающие кристаллы, излучающие мягкий голубоватый свет.

В воздухе витал запах древности и магии.

Я сделала первый шаг вперёд, чувствуя, как сердце замирает от волнения и предвкушения. Что ждёт меня в конце этого коридора? Какие знания откроются мне?

Дорогие читатели!

Ваше мнение, ваши отзывы, ваша критика – все это бесценно для меня. Они помогут мне понять, удалось ли мне достичь поставленной цели, смогла ли я донести до вас то, что хотела. Ваша оценка станет для меня стимулом для дальнейшего развития и совершенствования как писателя.

Пожалуйста, поделитесь своими впечатлениями о романе. Напишите рецензию, оставьте комментарий на сайте, обсудите его с друзьями. Ваше мнение важно!

С искренней благодарностью и надеждой на вашу поддержку,

Ольга Острова.

Глава 4

Лишь мельком заглянув в пару книг, я почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб. В них описывались создания, чья сила превосходит человеческое понимание. Исполины тьмы, древние духи, демоны, способные захватить мир без труда, оставив людей без единого шанса на сопротивление. Иллюстрации поражали воображение. Многоголовые твари с горящими глазами, тени, пожирающие свет, существа, чьи очертания расплывались, не давая уловить их истинную форму. Там же были и древние ритуалы, способные остановить демонов и их приспешников. Но все они проводились с огромным риском для жизни ведьмы, требуя не только глубоких знаний, но и безграничной смелости, готовности пожертвовать чем-то важным. Силой, памятью, годами жизни. Застыв, я уставилась невидящим взглядом в стену, в то время как мозг лихорадочно пытался переварить обрушившуюся лавину жутких откровений. Перед глазами мелькали образы: битвы с тварями из глубин, заклинания, обращающие время вспять, жертвы, принесённые ради спасения мира. В конце концов из меня вырвался истерический смешок, эхом пронёсшийся по помещению. — Хотела приключений? — прошептала я, и голос дрогнул. — Так получай их сполна! Осторожно вернув книги на полку, будто боясь потревожить их зловещую тишину, я направилась к столу. Выдвигая ящики один за другим, жадно изучала их содержимое. Засушенные лепестки неизвестных цветов, крошечные пузырьки с мерцающей жидкостью, свитки, перевязанные шёлковыми лентами, и... толстая тетрадь в потёртой кожаной обложке, испещрённой мелкими трещинками времени. Открыв её, я поняла, что это бабушкин дневник. Летопись её жизни, полная тайн и загадок. Пожелтевшие страницы хранили записи, сделанные разными чернилами: то ровными, аккуратными строчками, то — нервными, порывистыми каракулями. Захватив тетрадь, как драгоценную реликвию, я покинула подвал. Занимался рассвет, окрашивая горизонт в нежные пастельные тона. Первые лучи солнца пробивались сквозь кроны деревьев, обещая новый день. Ложиться снова в постель не имело смысла. Направившись на кухню, я заварила крепкий чай с мятой и чабрецом. Его аромат напомнил о бабушке, о наших утренних разговорах. Приготовила простые бутерброды с сыром и мёдом, устроилась у окна и принялась читать дневник, поглощая пищу и погружаясь в прошлое своей семьи. Жизнь бабули была насыщена событиями, полна опасностей и невероятных приключений. Её многие боялись. Могущественная колдунья, она внушала трепет не только простым смертным, но и лесной нечисти, а порой даже более сильным, древним существам. Меня особенно заинтересовала парочка созданий, находившихся в её подчинении: Леший по имени Путаник и его сварливая супруга, Кикимора болотная с ещё более звучным именем Смутьянка. И почему бабуля не познакомила меня с ними? Пара была под стать друг другу. Оба заядлые любители сбить путника с пути, посеять в их душах смятение и хаос. А дети их, Лесавки, переняли озорной и пакостный нрав. Бабушке то и дело приходилось держать их в узде, иначе распоясавшаяся братия могла натворить непоправимых бед. Я ахнула. Так вот почему в последнее время люди стали так часто плутать в лесу, часами кружа по знакомым тропам! Углубившись в чтение, я поняла, почему Алефтина не спешила рассказывать мне об этих лесных жителях. Они обладали коварным даром. Могли сманить юную ведьму с истинного пути, лишив её возможности вернуться назад. Потому знакомство с этими лесными проказниками откладывалось на самый крайний срок, когда я буду готова к их хитростям и уловкам. «Вот и пришло время знакомства», — твёрдо решила я. Спустившись в подвал, взяла нужную мне книгу, том, посвящённый лесным духам. Поднялась наверх и, устроившись в уютном кресле-качалке у окна, углубилась в чтение. Солнечный свет ложился на страницы, подчёркивая витиеватые буквы старинного шрифта. С каждой прочитанной строкой крепло ощущение. С этими созданиями шутки плохи. Они не просто духи леса, они его стражи, его голос, его воля. К встрече я готовилась дотошно. Запоминала правила поведения, заучивала слова

приветствия, продумывала, что скажу и как себя поведу. Не хотела предстать профаном перед таинственным лесным народом, дабы не стать жертвой их коварства. К полудню явился Каф, отсутствовавший целые сутки. Его шерсть была взъерошена, местами свалаялась клочьями, на мощных лапах виднелись следы лесной грязи и царапины от колючих кустов, а в янтарных глазах читалась какая-то затаённая тревога. — Ты голоден? — спросила я, невольно протягивая руку, чтобы погладить его по лобастой голове. В ответ прозвучал лишь короткий, утвердительный рык. Накормив волка, я вернулась к прерванному чтению. Бабушкин дневник лежал раскрытым на столе, рядом потрёпанная книга по местной нечисти с затёртыми страницами и пометками на полях. Буквы плыли перед глазами, но я заставляла себя вчитываться, запоминать, сопоставлять. Время пролетело незаметно. Вечер уже был не за горами, небо на западе наливалось алым, длинные тени протянулись по полу. Но я всё равно решила не откладывать задуманное. Пора было приступить к переговорам с лешим и его семьёй сегодня же, пока не наступила ночь и луна не набрала полную силу. В лесу обитали и другие жители, с которыми мне предстояло ещё познакомиться: болотные шептуны, древесницы, хранители родников... Но их черёд придёт позже. А сейчас... Я глубоко вздохнула, закрыла бабушкин дневник и книгу, аккуратно сложила их на полку. В груди билась странная смесь страха и решимости. Взяв небольшой узелок с угощениями и памятку с правилами общения с лесными духами, я вышла из дома. Ступив на едва заметную звериную тропинку, я углубилась в чащу. Воздух здесь был гуще, насыщеннее. Терпкий запах хвои смешивался с ароматом сырой земли и прелых листьев. Ветви старых елей сплетались над головой, образуя тёмный свод, а под ногами шуршали опавшие иголки и мелкие ветки. Вскоре передо мной открылась небольшая поляна, залитая косыми лучами заходящего солнца. Золотистый свет пробивался сквозь кроны, рисуя на траве причудливые узоры теней. Время ещё было. Я расстелила на траве старую вышитую скатерть и разложила угощение: мёд в глиняной чаше, свежие ягоды, хлеб с травами и несколько кусочков копчёного мяса. Затем, выпрямившись во весь рост и собравшись с духом, громким, уверенным голосом прочитала заклинание призыва. В воздухе затрепетало, будто невидимая паутина натянулась между деревьями. Лёгкий ветерок всколыхнул волосы, а где-то вдалеке заухала сова. Вскоре стал слышен треск сучьев под ногами невидимых существ. Я замерла, стараясь дышать ровно и не выдать волнения, сковавшего всё моё тело. В воздухе усилился запах сырой земли, прелых листьев и чего-то дикого, первобытного. Словно сама древняя сила леса пробуждалась вокруг. Из-за деревьев начали появляться тени. Вот показался корявый силуэт с горящими немигающими глазами. Леший собственной персоной. Его фигура будто состояла из переплетённых корней и мха, а взгляд пронзал насквозь. За ним, крадучись, вышла кикимора, вся в тине и болотной ряске, прям невеста из топи. Её длинные волосы свисали сосульками, а глаза сверкали хитрым огнём. И, как будто искры от костра, вокруг них замелькали лесные чертенята, лесавки. Они хихикали, перешёптывались и строили мне рожицы, то появляясь, то исчезая в тени деревьев. Мои глаза округлились от шока. Да, я могла вызвать дождь или огонь, но настоящую нечисть видела впервые, не считая старой фарфоровой куклы. Та, кстати, была своего рода сигналом: когда демоны пытались прорваться в наш мир, она начинала скрестись и буяннить, предупреждая об опасности. Я постаралась сохранить спокойствие, хотя сердце бешено колотилось в груди. Медленно, подчеркнуто уважительно, я поклонилась лесным хозяевам, демонстрируя своё почтение. — Приветствую вас, владыки леса, и приношу дары в знак уважения, — произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Леший окинул меня оценивающим, пронзительным взглядом, казалось, он видит меня насквозь, читает каждую мысль. Кикимора брезгливо скривилась, выражая своё презрение, а лесавки, напротив, с неутолимым любопытством рассматривали угощение, как голодные щенки, нашедшие кость. Не прошло и минуты, как ребятня растащила еду, уплетая угощения с жадностью. Кикимора осталась стоять в сторонке, поджав губы и неприветливо поглядывая на меня, оценивая меня как потенциальную жертву. Леший же приблизился, сделав несколько шагов в мою сторону. Ростом он едва доходил мне до груди,

но в его глазах горел древний, нечеловеческий огонь. — Зачем звала, человечка? — выпалил он без приветствий. «Вот тебе и пожалуйста, ни здрасте, ни до свидания, верх невоспитанности», — промелькнуло в голове, и я сердито сдвинула брови к переносице. — Разговор есть, — отрезала я, переняв его резкий тон. — Если не прекратите безобразничать в лесу, мне придётся принять меры. — И что ты сделаешь, бездарная колдунья? — проскрежетала жена лешего, не стесняясь в выражениях. «Ну, началось. Перешли на личности», — подумала я, чувствуя, как внутри поднимается волна возмущения. — Смутьянка, ты мне не хамя, а то горько пожалеешь, — огрызнулась я, поворачиваясь к ней. — Не пугай, пуганые. Бабка твоя вызывала уважение, а ты так, пыль под ногами, — ошетинился леший, заступаясь за супругу. — Эй, Путаник! Что ты мне чешешь? Какое уважение? Боялись вы её до чёртиков, вот и сидели тихо, как мыши под веником, — я чувствовала, как закипает злость. — А теперь вы решили разгуляться, почувствовав слабинку? Зря. Я не бабка, но за лес свой глотку перегрызу. Леший лишь фыркнул, а кикимора презрительно скривилась. Лесавки же, наевшись до отвала, затихли, с нескрываемым любопытством наблюдая за разгорающейся ссорой. Я чувствовала, как магия наполняет меня, пульсируя под кожей, готовая вырваться наружу. Не стоило им меня недооценивать. — Слушайте сюда, — продолжила я, стараясь говорить как можно спокойнее, хотя внутри всё клокотало, будто в котле, готовом вот-вот взорваться. — Я вас предупредила. Если ещё хоть одна жалоба до меня дойдёт, пеняйте на себя. Леший нахмурился, задумчиво почесывая затылок, его корявые пальцы перебирали мох, вплетённый в кожу. Кикимора же злобно сверкнула глазами, но промолчала, лишь нервно дёрнула плечом, отчего с её волос осыпалась тина. Резко развернувшись, я направилась прочь, чувствуя их взгляды, прожигающие спину, будто два раскалённых уголька. Нужно было уходить, пока гнев окончательно не взял верх. Но внутренний голос подсказывал: этим дело не кончится. Возвращаясь домой, я пыталась унять бурю внутри. «Вот же хамло! Пусть только попробуют что-нибудь выкинуть, я им устрою весёлую жизнь», — мысленно бушевала я, сжимая кулаки. Как только приду домой, нужно обезопасить себя от их козней, чтобы они не смогли заманить меня в свои тёмные игры. Каф лежал у крыльца, лениво развалившись. Его шерсть блестела в лучах заката, а глаза были полуприкрыты. Он явно наслаждался теплом. Завидев меня, он глухо рыкнул в знак приветствия, но с места не сдвинулся, лишь слегка вильнул хвостом. Войдя в дом, первым делом направилась к шкафу с травами. Нужно заварить успокаивающий чай. Ромашка, мята, немного зверобоя — идеальное сочетание для умиротворения разбушевавшихся нервов. Заварив ароматный напиток, я сделала глоток, позволяя теплу разлиться по телу. Успокоив нервы, приступила к укреплению защиты своего жилища. Прочертила мелом защитные руны на пороге, развесила пучки сушёных трав над окнами, прошептала обережные слова над входом и окнами. В общем, сделала всё, как учила бабуля. Дом наполнялся знакомой магией, тихой, надёжной, как щит. Недоразвитых хватило ровно на неделю. Видимо, только страх и показательная порка способны заставить их вести себя прилично. Вооружившись знаниями из бабушкиного дневника о том, как приструнить эту парочку, напугав до икоты, но не причинив вреда, я отправилась к ним в гости без приглашения. Жили они в самой трясине, у края болота. Каф сопровождал меня, указывая дорогу. Он шёл впереди, приносясь к воздуху, время от времени останавливаясь, чтобы бросить на меня взгляд. Без стука распахнув дверь, я обалдела. Эти лесные жители шагали в ногу со временем! Смутьянка хлопотала на кухне. Никакой русской печи и в помине не было. Вместо неё красовалась современная плита с конфорками. От увиденного мои глаза расширились до невероятного размера. «Ну хоть телевизора нигде не видно», — промелькнула мысль. — Похоже, бабуля неплохо вас избаловала? — процедила я сквозь зубы, приходя в себя. Кикимора резко обернулась, и на её лице отразился неподдельный испуг. Её пальцы, перепачканные в муке, замерли над тестом. — Ты чего пришла? — пролепетала она, пятясь назад. — Так вы же уговор нарушаете, — произнесла я, надвигаясь на неё. — Где леший, твой благоверный? Кикимора попыталась юркнуть за спину, но я перехватила её за руку. Кожа у неё оказалась склизкой

и холодной, как у лягушки. Брр! Леший, услышав шум, высунулся из-за двери. И я во второй раз округлила глаза, да так, что, кажется, они чуть не выкатились из орбит. Он выглядел совсем не так, как при нашей первой встрече. Тогда он напоминал ожившее дерево. Кора вместо кожи, ветвистые брови, волосы — спутанная поросль мха. А теперь... Теперь он больше походил на обычного человека небольшого роста. На нём был надет цветастый гавайский халат с пальмами и фламинго. Совершенно неуместный в лесной глуши. В руках он держал бокал с чем-то ярко-розовым, от чего поднимался лёгкий пар с ароматом малины и чего-то пряного. — Ну и дела, — пробормотала я. — Что тут за тарарам? — прорычал он. Увидев меня, переменялся в лице. Я одарила его хищной ухмылкой. — Как ты отыскала наш дом? — процедил он, ставя бокал на стол. — Впрочем, это неважно, сейчас я разберусь с тобой, — прошипел он, демонстративно засучивая рукава цветастого халата. Не теряя ни секунды, я вцепилась ему в ухо и дёрнула со всей силы. Он взвыл, пытаясь вырваться. — Я кому говорила не безобразничать? — в бешенстве спросила я, таща его на улицу. — Вам что, не нравится ваш дом? — При чём тут дом? — проскулил он, взыв от боли, когда я начала выкручивать ему ухо. — Нет? Тогда сейчас от него не останется ничего, — продолжала я угрожать. Он верещал, перемежая ругательства с воплями. Сзади на меня попыталась наброситься Кикимора, но волк, рыкнув, отбросил её лапой в сторону, клацнув зубами у самого её лица. Она взвизгнула и вперед нас выскочила на улицу. Я же, всё ещё держа лешего за ухо, остановилась напротив их обиталища. — Где дети? — Отпусти, ненормальная! Ты ещё пожалеешь об этом, — шипел он, извиваясь. — Где дети? — повторила я вопрос, не обращая внимания на его слова. — Их здесь нет, — пропищала Кикимора, съезжившись в комок. — Вот и славненько, — отрезала я, отпуская лешего. Воздев руки к небу, я начала громко читать заклинание. Небо мгновенно затянулось зловещей чернотой туч. Поднялся штормовой ветер, срывая листья с деревьев. Стихии разбушевались не на шутку, являя свою первобытную мощь. Краем глаза я взглянула на лешего и кикимору. Если Кикимора дрожала от ужаса, вжимая голову в плечи, то леший лишь презрительно хмыкнул. «Вот же гаденыш, не из робких», — мелькнуло у меня. Опустив руки, я укротила ветер и призвала стихию огня. В моей ладони вспыхнуло яркое пламя. — Не жалко домишко? Где вы ещё найдёте такие современные удобства? Я не бабуля, от меня подарков не дождётесь, — спросила я с издёвкой, подбрасывая огненный шар на руке. Леший злобно смотрел на меня молча, но в его глазах уже мелькнула тревога. — Ну как знаешь. Я приступила к ритуалу изгнания, найденному в старинном дневнике. Если жилище лешего будет сожжено ведьмой на его глазах, и при этом произнесены ритуальные слова, то ему придётся вечно скитаться по миру без крова над головой. — Я изгоняю тебя из моего леса! Я начала читать нараспев, слова заклинания срывались с губ, сплетаясь с потрескиванием огня в моей руке. Леший побледнел, презрительность мигом слетела с его лица, сменившись паникой. Кикимора завывала, забившись под куст. Подбросив огненный шар вверх, я направила его на дом. Пламя мгновенно охватило бревенчатые стены, пожирая дерево с жадностью. Леший закричал, бросившись к горящему дому. Я стояла и цинично наблюдала, как он пытается потушить иллюзию. Наконец до него дошло, что пожар ненастоящий, и он рухнул на землю, тяжело дыша. — Ведьма-а-а! — выкрикнул он ругательство, стукнув кулаком по земле от гнева и бессилия. Я вздохнула с облегчением. «Признали наконец». — Ведьма, ведьма! Не забывай об этом! Никогда! — процедила сквозь зубы и, развернувшись, покинула болото. Каф, рыкнув на этих горе-бунтарей, последовал за мной. Удаляясь, я слышала за спиной приглушённые перешёптывания лешего и кикиморы. Ну что ж, теперь они знают, с кем имеют дело. Через три дня пришла Смутьянка. Было раннее утро, солнце только-только поднялось над лесом. Я делала зарядку во дворе. Глубокие приседания, махи руками, растяжка. Движения помогали прогнать остатки сна и настроиться на день. Кикимора робко остановилась в полуметре от меня, неловко переминаясь с ноги на ногу. В руках у неё была небольшая плетёная корзина, источавшая тонкий травяной аромат. Отвлёкшись от приседаний, я выпрямилась и посмотрела на гостью. — Доброго утречка, Катенька! — произнесла заискивающе

Смутьянка и поклонилась в пояс так низко, что её длинные, покрытые тиной волосы коснулись земли. — Доброе, — ответила я, вытирая лицо полотенцем. — Чем обязана? — Я вот травки тебе принесла, очень редкая, — кикимора приблизилась ко мне, протягивая корзинку. Её пальцы, склизкие и холодные, слегка дрожали. — Возьми, пожалуйста. Я заглянула внутрь и ахнула. Там лежал *Astragalus Lucens* — и правда редкий вид. С латинского переводится как «Астрагал Сияющий» — эта трава окутана тайной и наделена целительной силой. Листья Астрагала Сияющего, как изумрудные стрелы, тянутся к небу, впитывая энергию солнца и силу земли. Цветы его, собранные в золотистые кисти, источают тонкий аромат, напоминающий о мёде и горных травах. Но истинная сила растения скрыта в его корне. Золотом Корне. Считается, что Астрагал Сияющий обладает уникальными свойствами, способными исцелять от множества болезней. Он укрепляет иммунитет, повышает жизненный тонус, замедляет процессы старения и даже помогает справиться с душевными ранами. Отвар из Золотого Корня пьют для восстановления сил после тяжёлых болезней, а настой из листьев используют для лечения кожных заболеваний. Легенда гласит, что Астрагал Сияющий вырос на месте падения звезды, одарившей растение небесной силой. И действительно, после приёма целебного отвара люди чувствуют прилив энергии и ясность мысли, словно прикоснулись к самой Вселенной. — Какой ценный подарок ты принесла! — воскликнула я, восхищённо рассматривая траву. Тонкие стебли переливались в утреннем свете, а листья мягко шелестели, будто перешёптывались со мной. — Проходи в дом, чего стоять на пороге. Чайку попью, — пригласила я гостью, чувствуя, как во мне просыпается искренняя благодарность. Усадив Смутьянку на резной табурет у окна, я проворно накрыла на стол. Поставила кружку с душистым чаем, тарелку с пирогами, варенье в маленькой вазочке. Мы приступили к завтраку. Кикимора стеснялась лишь мгновение. Уже через пару минут она аппетитно уплетала угощение за обе щеки, изредка поглядывая на меня с робкой улыбкой. — Как ваши дела? Всё ли ладно в вашем болотце? — поинтересовалась я, разливая чай. — Да всё нормально, — промывчала она с набитым ртом, потом смущённо промокнула губы салфеткой. — Я вот пришла узнать, не нужно ли чего? Я посмотрела на неё удивлённо: — Чем вы можете мне помочь? — Ну как же. Алефтина нас то и дело гоняла по всяким поручениям, — Смутьянка отложила вилку и выпрямилась. — Это по каким же? — я подалась вперёд, заинтригованная. — Ну, меня отправляла пугать грибников, которые мусорят или ломают деревья: запутывать тропы, издавать странные звуки, подкидывать фальшивые грибы. Также навести шороху на браконьеров, чтобы они убралась восвояси: прятать их вещи, ломать лодки, напускать туман. Иногда разрешала подшутить над теми, кто неуважительно относится к лесу: завязывать шнурки, путать направления, подкладывать шишки в карманы. Ещё я собирала травы для зелий, но только те, которые указывала Алефтина. Ухаживала за особыми растениями... — она загибала склизкие пальцы, перечисляя обязанности. — Поддерживала чистоту в укромных уголках леса — ну там убрать опавшие листья или следить за муравейниками. А Путаник был ответственен за более важные дела. Он защищал лес от пожаров, следил за молниями, предупреждал животных об опасности. Ещё в его обязанности входило охранять редких животных и растения от браконьеров и вандалов. Поддерживать равновесие в природе: следить за популяцией животных, регулировать рост растений. Давать советы животным, помогать им решать проблемы — например, найти новое место для гнезда, помирить поссорившихся зверей. Наставлять заблудившихся путников на верный путь, если они чисты душой и уважительно относятся к лесу. Предоставлять информацию о состоянии леса и его обитателях. Сбирать редкие ингредиенты для зелий, которые трудно найти. Помогать в решении сложных проблем, связанных с лесом. Смутьянка выложила мне всё как на духу. Я внимательно слушала, стараясь всё запомнить. Во бабуля даёт! Она ведь большую часть лесной работы спихнула на лешего и его супругу. В голове уже начали складываться новые планы. Теперь, когда я знала, какие силы мне доступны, лес мог стать ещё безопаснее и гармоничнее. — Понятнооо... Да ты пей, пей чай, вон ещё печеньки, — протянула я, подливая в

кружку ароматный напиток. Пар поднимался над чашкой, наполняя комнату запахами лесных трав. — Спасибо, хозяйюшка, — проворковала гостя, уплетая угощение за обе щеки. Печенье хрустело, а кикимора блаженно прикрывала глаза после каждого глотка чая. — Скажи, Смутьянка, а ты знаешь, как бабуля боролась со злом, что из портала лезло? — осторожно спросила я, внимательно наблюдая за реакцией жительницы болот. — Не-е-т, — покачала головой Смутьянка. — Она нас и близко к тому месту не подпускала, боялась, что убьют. Берегла! — Кикимора понизила голос до шёпота, наклонившись ко мне через стол. — А ещё у неё наставник был, из этих... злых. Он Алефтину драться учил. — Чего? — вытаращилась я на кикимору, чувствуя, как от удивления глаза на лоб лезут. В голове новая информация никак не укладывалась. Смутьянка, заметив мою реакцию, закивала с видом всезнающего человека: — Ага! Злой! Но справедливый, — добавила она, жуя печенье. — Говорил, что без тьмы нет света, без зла нет добра. Философ, одним словом. Только вот имени его я не помню. Да и не называла она его никогда. Всё больше «Учитель» да «Наставник». Я попыталась переварить услышанное. Бабуля и злой наставник? Да как такое возможно? Образ суровой, но справедливой ведуньи, защитницы леса, никак не вязался с тем, что она училась боевым искусствам у представителя тёмных сил. — И что, он её всему научил? Магии какой-нибудь злой? — с сомнением спросила я. Кикимора пожала плечами: — Магии не знаю, а вот чтоб драться, как леший в пьяном угаре, это точно. Она потом любого могла в бараний рог скрутить, коль кто перечил ей. Сильная была бабка, ох сильная! А всё Учитель этот... Я откинулась на спинку стула, пытаюсь собрать разрозненные кусочки информации в единую картину. Всё это было слишком странно и запутанно. Но одно я знала точно: бабуля была гораздо сложнее и интереснее, чем я думала. И мне предстояло узнать о ней ещё много нового. Проводив Смутьянку и одарив её ворохом поручений — проследить за порядком у болота, предупредить животных о грядущем похолодании, собрать несколько редких трав, — сама принялась за уборку. Но мысли хаотично носились в голове, не давая покоя. Что за учитель такой и где его искать? В дневнике точно должна быть информация о нём. Осенило меня. Бросив тряпку посреди комнаты, я схватила тетрадь. Пальцы дрожали от нетерпения, пока я пролистывала пожелтевшие страницы. Проскальзывая взглядом по строчкам, искала слова «Наставник» или «Учитель». И вот, наконец, нашла: «Сегодня я обрела наставника в боевых искусствах. Ибо вечно полагаться лишь на колдовскую силу — непозволительная роскошь, да и энергии отнимает много. С неимоверным трудом я сломала волю этого демона и заставила его подчиниться». Далее следовала подробная инструкция, как это сделать. Я внимательно несколько раз перечитала текст, вчитываясь в каждое слово. Взвесив все «за» и «против», пришла к выводу, что мне нужен этот демон. Выучила наизусть заклинание, собрала всё, что нужно для ритуала, и направилась к Костяному Древу. Костяное Древо, как и прежде, возвышалось, исполненное незримой силы. Его ветви, похожие на костяные пальцы, тянулись к небу, а кора мерцала в лучах солнца. Я подошла и приложила ладони к стволу, ощущая, как он вибрирует в унисон с моей решимостью. Здесь, в этом священном месте, я собиралась призвать демона, дабы он стал моим наставником. Я поставила вокруг свечи, образуя пентаграмму, и зажгла их мерцающие огоньки. Очертила круг из соли — неприступную границу между мирами. Сердце колотилось в груди, как бешеное, отдаваясь гулким эхом в ушах. Я несколько раз глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться, чувствуя, как прохладный вечерний воздух наполняет лёгкие. Вспомнила про себя заклинание, каждое слово, каждое ударение. Ещё раз сделав глубокий вдох, начала читать. Сначала тихо, почти шёпотом, затем всё громче и увереннее, наполняя каждое слово силой своей воли. Ветер усилился, свечи затрещали, отбрасывая дрожавшие тени на землю. Дупло в дереве ожило, замерцав призрачным светом, и из него, подобно нитям тьмы, в центр круга потянулась субстанция. Я продолжала читать, не отрывая взгляда от сгустка тьмы, что увеличивался передо мной. Когда мой голос умолк, мрак медленно рассеялся, и передо мной, в круге очерченном солью, стоял он. Демон. Высокий, с темной кожей и глазами, в которых горел адский огонь. Ро-

гов, этого привычного знака демонической власти, не было. Но их отсутствие лишь усиливало его зловещее великолепие. Идеальные черты, словно созданные рукой скульптора, скрывали ледяную надменность и насмешку над бренностью смертных. Чёрные, как ночь, волосы обрамляли высокий лоб, ниспадая на плечи тёмным водопадом. Глаза... В них таился истинный ад. Бездонные колодцы, наполненные первородным хаосом, в глубине которых мерцала чистая, всепоглощающая злоба, завораживающая своей мощью. Вокруг зрачков трепетали отблески пламени, раскрывая его истинную, демоническую природу. Он смотрел на меня с презрением и любопытством, как на дерзкую мошку, посмевавшую нарушить его покой. — Ты осмелилась призвать меня, ведьма? — пророкотал он голосом, от которого задрожала земля, а свечи в круге вспыхнули синим пламенем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.